

ЛИТЕРАТУРА КАК СПОСОБ ОБЩЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Сергей Котьяло
г. Москва, Россия

МАННА НЕБЕСНАЯ

Машина привезла их в обитель святой великомученицы Екатерины поздней ночью. Юный монастырский послушник развел гостей по келиям для отдыха. Зной, который паломники проехали от пристани меж красных скалистых гор, мгновенно сменился черною прохладой. Крупные, с яблоко, червленые зори частили, дымились над крышею гостиного двора. И было тихо, совсем тихо.

Илюшу уложили в мягкую, на удивление для столь строгой уставом обители, пушистую постель. Он, едва коснулся подушки, сразу уснул крепким сном. Но скоро его подняли, запихнули в теплую шерстяную куртку и потащили за верблюдом по камням на гору.

Понятно, встать-то он встал, однако проснулся только к середине подъема и немало подивился многолюдю тянувшейся снизу вверх вереницы, пересыпанной верблюжатами и верблюдами, навьюченных всадниками старыми и малыми. И это было мальчишке любо.

Впрочем, Илюша так же был люб сподвижникам. То связано не с его прямо таки ангельскою красотою: льняные, длинные кудри, рассыпанные по спине, кругленькое белое личико, синие-синие, как днепровские сливы очи..., – а врожденною кротостию, с какою он поднимался в гору, ни разу не молвив ни слова, и ни разу не аукнув на чей-то голос. Постоянная ровность и целеустремленность этого природного чуда понуждала даже взрослых, выдавших виды, знавших не одну вершину мира, собраться и вести себя достойно детскому смирению.

Только один старый геолог, будучи человеком недюжинного телосложения, вдруг, после какой-то весьма неуклюжей фразы на счет верблюжьей породы, распластался всею массою, этакая гора-человек на гладкой гранитной площадке. Но Илюша и тогда не шевельнулся никак, шаг за шагом возносясь над куполом собора монастыря.

В нужный час поводырь, подросток-бедуин, весело и игриво вывел партию паломников на вершину горы, на то самое место, где великому пророку Моисею Господь сообщил тайну спасения. Илюша подошел к краю отвесной

скалы, вскинул широко растопыренные, будто крылья, руки горе и как бы телом потянулся за ними. Многие соглядатаи вскрикнули от страха. Мальчик даже ухом не повел, потому как на него и на всех стало наплывать единственное в таком виде солнце, достигаемое и осязаемое, что ни пером описать, ни в сказке сказать. Народ плакал, пел псалмы на разных языках, китайцы долбили головами камни, арабы били в бубны... – радости, казалось, несть конца.

Так вот, и тогда Илюша восторгался ровно и тихо. Лишь глазёнки его часто мигали и сияли в ответ ширине солнца, что выростала до размера вселенной.

Рассвет на Синае длился не долго. В течение часа природу сменило одинаковое утро и паломники пошли долу, оставив позади на вершине горы Хорив крохотную церквушку. Илюша бессознательно плелся за поводырем. Конечно, мальчику, верно, было жаль так быстро расстаться с тем, к чему многие люди за всю жизнь не доходят, чтобы, хоть краем души, дотронуться святых стоп пророка Моисея. И все же он шел, повторяя и ровное дыхание, и молчание, и радость. Он спускался по старой дороге, которую вымостили собственноручно монахи древних времен. Ступени для него частенько превышали возможность шага, и тогда мальчик сползал по ним, не редко ударяя или царапая ноги и руки. Меж тем, усложненность спуска, масштабность валунов нисколько не уменьшили кротости и смирения в выражении лица и глаз Илюши. В них читалась напряженная затаенность ожидания некоего чуда. Вот-вот, казалось, и с ним произойдет большее, чем весь Синай.

Так длилось от ворот до ворот, – их по спуску достаточно, – пока не достиг мальчик середины пути. Юноша-бедуин положил на стоянке, вблизи каливы святого пророка Илии, перед пещерою пророка Елисея рябого верблюда, тыча оливковым хлыстом вниз, к Поклонному Кресту, где должен соединиться с паломниками Илюша, как на них, по какому-то страинному обстоятельству отставшим от группы, просыпала белая меленькая крупа, прямо-таки роса и возглас:

– Здравствуй, Илюша.

– Здравствуй Илья, – вскрикнул мальчик, – испугался, – рухнул лицом на камень и зарыдал, повторяя: здравствуй Илья..., здравствуй..., – а после и вовсе заиел: Хвалите Господа с небес... – и уже, когда мальчика несли попутчики на руках вниз, в среде их кто-то вспомнил, что до сего часа от рождения он не молвил ни звука, и далее, до самой Неопалимой Купины они хором воспевали за арфой Давида Господеви Алилюю.